

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.351

АВТОРСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ В ТАБАСАРАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Г. Н. Маллалиев

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

Статья посвящена исследованию поэтики литературной колыбельной в табасаранской детской поэзии. Через сопоставление с фольклорными образцами жанра прослеживаются изменения в поэтике, тематике, мотивной и образной системе авторской колыбельной песни.

The article deals with the study of the poetics of the literary lullaby in the Tabasaran children poetry. Through the comparison with the folklore genre patterns the author traces the changes in the poetics, subject matter, motif and imagery system of the authors' lullabies.

Ключевые слова: колыбельная песня; табасаранская детская поэзия; литературная колыбельная; младенец; защитник родины; фольклорные традиции; сон; убаюкивание; пожелание.

Keywords: lullaby; Tabasaran children poetry; literary lullabies; infant; defender of the Motherland; folklore traditions; sleep; lulling; wish.

В табасаранской детской литературе традиции устного народного творчества получили достаточно широкое отражение. Детская поэзия переняла из фольклора темы и идеи, мотивы и жанровые традиции.

В настоящей статье речь пойдет о фольклорных традициях авторской колыбельной в табасаранской детской поэзии и будет предпринята попытка проследить идейно-тематическую и жанровую эволюцию жанра колыбельной. Обращение к этой проблеме обусловлено тем, что авторская колыбельная песня как жанр табасаранской детской поэзии и влияние на нее фольклорных традиций еще не становились предметом специального научного исследования в дагестанском литературоведении.

Прежде чем перейти непосредственно к исследованию заявленной проблемы, считаем целесообразным проанализировать поэтику табасаранской фольклорной колыбельной.

В табасаранском детском фольклоре колыбельная песня представлена такими разновидностями, как повествовательные, императивные (благопожелательные) колыбельные, колыбельные-страшилки, колыбельные, в которых животные выступают в качестве персонажей или ребенок сравнивается с животными или птицами и т.д.

В фольклорных императивных колыбельных мама, как правило, моделирует будущий идеальный образ ребенка. Если речь идет о мальчике, то мать желает ему стать женихом, «который ходит на свадьбы», или «зятем»; «крестьянином, заботящимся о своей семье», человеком, который овладеет всеми профессиями («Петух тебе вставай говорит...») [1, с. 127]; юношей, который «будет танцевать лезгинку и полюбится девушкам» («В объятиях люльки...») [1, с. 130], «смелым сыном для отца» («Баюшки-баю, маленькое чудо, баюшки-баю») [1, с. 127]. То есть в колыбельных, посвященных мальчикам, получает, таким образом, отражение народное представление об идеальном герое, в котором «наряду с культом физической силы, воспеванием воинских доблестей далеко не последнее место занимают трудовые качества» [2].

Девочкам мамы желают вырасти хозяйственными и красивыми: «*Наряжаясь, как джейран, / В делах (будь) как искра, / Как сокол, что садится на бук, / Смелой де-вушкой будь, Суначай*». («Кабалгури жейранси, /Ляхнариин цЯмгъялси, / ПирптИн дубсру ппазиси / КГубан йихь риш, Суначай») [1, с. 128].

Часто к процессу усыпления младенца мать «привлекает» помощников: речку, ветер, птичек и т.д. Монотонный убаюкивающий ритм в таких колыбельных создается посредством многократно повторяющихся речевых формул: «*Реки текут (к тебе) мелодии напевать, / Птички летят (к тебе) песенки петь, / Ветерок летит (к тебе) в колокольчики звенеть, / Волны плывут твою люльку качать, / Баю-бай, Мурад, баю-бай, родной!*» («Нирар гъюра гьенгар йивуз, / Жакъвар гъюра мукъмар йивуз. / Шавгъар гъюра гарграр рахуз, / Лепйир гъюра яв шинт дабкъуз, / Лайлай, Мурад, лайлай, аъзиз!») [1, с. 127].

В некоторых колыбельных мать обещает младенцу подарки за сон: «*Петух принесет тебе зурну, / Пташка принесет тебе песню, /Родник тебе скажет баю-бай, / Спи, зеркальце, спи, родной*». («Датли увуз зурна хур, / Жакъвли увуз мяъли хур, / Булгъи увуз лай-лай кГур, / Ахнин, гюзги, ахнин, жан») или «*Отец тебе груш принесет, / Брат тебе яблоки принесет, / Сестра тебе землянику принесет, / Спи, мой сынок, спи, баю-бай*». («Аби увуз жихрар хиди, / Чвиччви увуз вичар хиди. / Чиччи увуз нивкъар хиди, / Ахнин, йиз бай, ахнин, лай-лай») [1, с. 126].

В табасаранской фольклорной колыбельной в качестве персонажей часто выступают домашние животные и птицы (петушок, котенок, теленок, ягненок), явления и объекты природы (ветерок, луна, речка, тучки, звездочки). Они выполняют в колыбельных разные функции: могут выступать либо в качестве помощников, как было показано выше, либо в качестве страшилок. К примеру, в колыбельной «Лисица хочет зайчонка съесть...» [3] главные персонажи – проголодавшиеся лисица и кошка, которые бродят в поисках пищи; мать пугает ими младенца, чтобы он поскорее уснул.

В некоторых фольклорных колыбельных животные даны как образцы хорошего поведения, пример для младенца, не желающего заснуть: «*Ягнята, телята, / Котята, цыплята / Не плачут. Всегда / Ты из-за чего / Плачешь?*» («Ччилар, кГарар / Чирккар, шюхъяр / Ишдар. Гъарган / Уву фидихъ/ Ишурава?») [1, с. 129]; «*В хлеву козлята, / В гнезде цыплята / Заснули. / Подушку не стелют, / Колыбельную не поют / Им*». («Демгий мудрар / Мугаъ чирккар/ Гъаахну. / Гута ккипдар, / Лайлай апГдар / Дурариз») [1, с. 128].

Животные могут выступать и в качестве соперников младенца, претендующих на внимание его мамы, либо просящихся поспать в его колыбельке, как, к примеру, котик и петушок в колыбельной «Котенок просит уложить его в люльку...» [1, с. 127–128].

Встречаются в табасаранском обрядовом фольклоре и необычные образцы колыбельной, основная задача которых – разбудить ребенка, а не усыпить его: «*Петух тебе, вставай, говорит, / Птичка тебе, идем, говорит, / Поспал ты вдоволь, / Идем в мои объятия, мой родной сыночек*». («Даттли увуз гъужв кГура, / Жакъвли увуз гъач кГура, / НивкГар гъапГва бегъемди, / Гъачнин хабаз, жан йиз бай») [1, с. 127].

Наиболее распространенными размерами табасаранской фольклорной колыбельной являются 4- и 8-сложники, что, на наш взгляд, совпадает с одним или двумя полными ритмами раскачиваемой люльки, распадающимися на две группы движений: влево – вправо. Встречаются также 7-, 5- и 6-сложные размеры. У колыбельных, составленных 4-сложниками, ритм более быстрый, тогда как 8-сложные колыбельные исполняются протяжно, плавно.

В народных колыбельных широко представлены такие образно-выразительные средства, как эпитеты, сравнения, перифрастические выражения: *небесной звездочкой кажешься мне* («завун хядси рябкьюразуз»), *ты свет моих глаз* («вува нур уларин»); *зеркальце* («гюзги»), *куколка* («жакул»), «пока еще ты букет цветочный, свет в люльке» («мегьел кюкдин кацІ вува, / шинтаъ айи акв вува»); *с шейкой из хрустального стекла, / на горлинку похожа моя дочка* («пур шюшейин гардан али, / луфраз ухшар вуйиз риш»); *с глазами куропатки, с ушками кошки* («гьюдран улар айи, гатдин ибар али»); *папина гордость, мамина надежда* («адашдин дамах, дадайин умуд»); уменьшительно-ласкательные синонимические эпитеты-именования младенца, посредством которых выражается любовное отношение к нему, родительское восхищение: *молодой* («кюрпе»), *любимый* («масан»), *родной* («жан»), *мой хороший* («йиз ужур»), *мой красивый* («йиз уччвур»), *мой смелый* («йиз кІубнир») и т.д.

Литературная колыбельная в табасаранской детской поэзии представлена произведениями И. Шахмарданова, М. Шамхалова, С. Кюребеговой, Г. Омаровой, Э. Ашурбековой, А. Курбанова и других авторов. В них, как правило, отчетливо ощущается влияние фольклорных традиций. Одноименные («Баю-бай») колыбельные И. Шахмарданова, Г. Омаровой, Э. Ашурбековой и С. Кюребеговой являют собой традиционные образцы жанра; их прямая функция – усыпление, убаюкивание ребенка. В текстах всех четырех авторов встречается характерная колыбельная лексика *лай-лай* (баю-бай), *ах* (спи); уменьшительно-ласкательные слова и эпитеты *жан* (родной), *аьзиз* (дорогой), *масан* (родимый), *дадин/дадайин* (мамин), *ширин* (сладкий) и т.д.

Монотонный ритм в литературных колыбельных создается повтором рифмующихся эпитетов, которые помогают передать сильную эмоциональную привязанность и любовь матери к младенцу, как, например, в стихотворении И. Шахмарданова «Баю-бай» («Лай-лай»):

Лай-лай дадин,	Баю-бай, мамин,
Лай-лай ширин,	Баю-бай, сладкий,
Лай-лай аьзиз,	Баю-бай, дорогой,
Бала лай-лай,	Сыночек, баю-бай,
Лай-лай, лай-лай	Баю-бай, баю-бай [4, с. 40];

или повторением однотипных синтаксических конструкций, единой сквозной рифмой, как в стихотворении Э. Ашурбековой «Для усыпления детей» («БицІдар ахуз ккаъругандиз»):

Пеъна шюхъяр ахура, Жакъвна чиркквар ахура,	Курочка и цыплята засыпают Птичка и птенцы засыпают,
Гьюрна батйир ахура, Швеъна бякъйир ахура,	Зайка и зайчата засыпают, Медведица и медвежата засыпают,
ПсинчІна чІяртІар ахура, Цигъна мудрар ахура,	Ласточка и птенцы засыпают Коза и козлята засыпают,
Марччна чан ччил ахура, Гатуна чирккв ахура	Овечка и ее ягненок засыпают, Кошка и котята засыпают –
Ахурухъа ухъура!	Поспим и мы с тобой! [5, с. 187].

Еще одна унаследованная от фольклора особенность поэтики авторских колыбельных – употребление в текстах разнообразных номинаций младенца, уменьшительно-ласкательных слов: *йиз бай* (мой сын), *бала* (ребенок), *велед / эвлед* (дитя), *малайик* (ангел). Богатством таких номинаций характеризуется стихотворение С. Кюребеговой «Баю-бай» («Лай-лай»): *дадин кГукГуш* (мамин ненаглядный), *мержан улар* (коралловые глазки), *бицГи кьятГкьятГ* (маленький мак), *дадин ппази* (мамин соколик), *йиз мудур* (мой козленочек), *вартГан ккунир* (самый любимый), *дирбаш ппази* (храбрый соколик), *йиз аьзиз* (мой дорогой). Однако, в отличие от фольклорных номинаций, у С. Кюребеговой наименования более сложные, использованы в переносном смысле: узуальное значение слова *кГукГуш* – верхушка, макушка; в тексте оно переосмыслено и употреблено в значении – имеющее высший смысл и ценность, ненаглядный; сравнение с маком в фольклоре употребляется для подчеркивания женской (девичьей) красоты, здесь же оно применено к младенцу мужского пола.

В этой колыбельной, относящейся к повествовательному типу, лексика подобрана с учетом особенностей детского возраста: она описательна; использованы слова, передающие цвет, запах и способствующие воссозданию в воображении ребенка ярких, конкретных образов окружающего мира: «*Погрузились в сон старые горы, / За долгий день устали они*». («НивкГуз гьушну кьаби дагълар, / Ярхи йигъди гъурцну дурар»); «*Пусть в снах увидишь ты / Зеленые лужайки, дом цыпляток. / Спи, мой козленочек, почувешь сегодня ночью / Мамин запах от алых цветов*». («Гъит нивкГарик увуз рьякъри / Чуру майднар, чГартГарин хал / Ах йиз мудур, гъюрвуз ахъли / Дадин тГяаьм кюкйирхъан ал») [6, с. 169–170].

Сравнение в колыбельных песнях младенца-мальчика с животными и птицами, олицетворяющими силу, отвагу, мощь и другие положительные качества, обусловлено тем, что в сыне родители и народ видели защитника родной земли, будущего воина. Поэтому чаще всего мама желает сыну быть храбрым, как лев, и смелым, как сокол: «*Милую Родину / Защищающим львом, / Героем стань, родной /.../ Дагестанскому / Прекрасному горному / Соколу подобен будь...*». («Багъри Ватан / Уьбхру аслан, / Игит йихъ, жан... Дагъустандин / Гюзел дагъдин / Ппазисир йихъ») [4, с. 41].

Аналогичное пожелание встречается и в стихотворении Г. Омаровой «Пусть вырастет из тебя» («Увкан ишри»), которое, хоть и лишено формальных жанровых признаков колыбельной (отсутствует колыбельная лексика, в заглавии не указана жанровая принадлежность), можно квалифицировать как императивный тип колыбельной, «содержащий пожелания ребенку и др. существам, требования к ним» [7]: «*Крепким, как сталь, / И храбрым, как орел, / Пусть станешь ты, дружок, /... / Как горный сокол, / ... / Смелым будь / Во всем, дружок мой*». («Илданси ижмир / Ва дирбаш люкьсир / Ишри, дуст увкан, / ... / Дагъдин ппазисир, / .../КГубнир гъарсабдиз / Йихъава, дуст йиз») [8, с. 156].

Императивное материнское пожелание – стать достойным защитником Отечества, непримиримым к врагам, быть опорой для своего народа – в авторских колыбельных может быть дано не перифрастично, а прямо: «*Любящим Родину, / Ненавидящим врага / Героем стань, родимый*». («Ватан ккуни, / Душман даккни / Игит йихъ, жан») (И. Шахмарданов) [4, с. С. 41]; «*Да станешь ты опорой своему народу – / Тобой гордиться я буду*». («Яв халкъдиз ишриву даягъ – / АпГурза ув'инди дамагъ»). (Э. Ашурбекова) [9, с. 82].

В авторских колыбельных присутствуют и характерные для фольклорной поэтики жанра пожелания ребенку здоровья, быстрого взросления, счастливой и мирной жиз-

ни: «*На мирной земле счастливым человеком / Пусть станешь ты, мой дорогой!*». («Ислягъ жил'ин бахтлу инсан / Ишпри увкан, жан йиз масан!»). (Э. Ашурбекова) [9, с. 82]; «*Чтоб сладким плодом / Наслаждаться, / Расту, родимый*». («Ширин йимиш / Аплуз дадмиш, / Ахью йихь, жан») (И. Шахмарданов) [4, с. 40–41]; «*Расту, сын мой, расту... / Твое маленькое тело пусть здоровеет*». («Ахью йихь, йиз бай, ахью йихь... / Яв бицИи къамат сагъ ибшри»). (М. Шамхалов) [10] и др.

Адресатом колыбельных табасаранских авторов преимущественно являются мальчики, в чем также можно усмотреть влияние фольклорной традиции. В колыбельной Г. Омаровой «Лай-лай» эта тенденция нарушена: мама в своих пожеланиях дочке моделирует идеал красавицы-горянки. В ее песне отражена как забота как о будущем дочери: «*Волосы пусть будут длинными, / Брови – черными, тонкими. / Будь любимой для всех, / Самой красивой, чистой*». («Кушар ишпри ярхидар, / УлчИвмар – кIару, ккурудар. / Йихь варидариз ккунир; / ВаритIан уччвур, марццир»), так и материнские надежды обрести в ней помощницу в домашних делах: «*(Будь) носящей воду с родника, / Ткущей прекрасный ковер. / Быстро вырастай, дочь моя, / Чтобы помогать матери*». («Булагъдиккан шид хурур; / Гюрчег халачи убхрур. / Ухди ахью йихь, йиз риш, / Кюмек аплуз дадайиз») [8, с. 34].

В ритмическом отношении в авторских колыбельных сохраняется заданная в фольклорных образцах тенденция – наиболее частотными стихотворными размерами являются 4-, 7- и 8-сложники. В то же время в них можно отметить различные отступления от фольклорной поэтики жанра. В колыбельных многих народов мира имя ребенка оказывается табуированным и не упоминается в тексте, что, по мнению Д.К. Зеленина, связано с верованиями «в магическую силу имени» (цит. по: [11]). Как показал проведенный анализ, для фольклорных колыбельных табасаранцев эта особенность не характерна: в них достаточно часто встречаются имена детей, которым они посвящены. В то же время ни в одной из исследованных нами авторских колыбельных имя ребенка не упоминается.

В табасаранской детской поэзии, помимо литературных колыбельных, встречаются тексты, которые колыбельными в полном смысле этого слова не являются, но близки им по ряду признаков. В их числе можно отметить стихотворение И. Шахмарданова «Материнская песня» («Дадайин мяъли»). В отличие от традиционных (фольклорных и литературных) колыбельных, где текст – непосредственное обращение мамы к ребенку – представляет собой завершенное эстетическое целое и не нуждается в авторском присутствии, поскольку поющая мать выступает в качестве автора-персонажа, в стихотворении И. Шахмарданова именно авторский взгляд, выражаясь словами М. Бахтина, дает тексту эстетическое оцельнение, завершение. То есть, в шахмардановском стихотворении текст колыбельной и мать, исполняющая ее, становятся предметом авторской рефлексии:

Дадайи къябахъ чан балин
Къяб дабкъури, мяъли кIура:
«Лай-лай, лай-лай, кюрге бицИи...»

Мама у колыбели своего сына,
Покачивая люльку, песню поет:
«Баю-бай, мой маленький...» [4, с. 108].

В табасаранской детской поэзии встречаются и случаи использования жанра колыбельной не в прямом ее значении, а в различных художественных целях: сатирической, элегической и т.д. Подобное изменение функционального назначения колыбельной – достаточно распространенный художественный прием в литературе. Так, в знаменитой «Колыбельной песне» Н. Некрасова дано сатирическое обличе-

ние жизненного пути становления русского чиновника. Как отмечает И.А. Гасанов, влияние сатирических традиций Н. Некрасова ощутимо в произведениях и дагестанских авторов: в «Колыбельной песне муллы» С. Абдуллаева, «Колыбельной» Б. Магомедова, в которых дается «обличение дореволюционной действительности с князьями и муллами» [12].

Эта тенденция прослеживается и в стихотворении Э. Ашурбековой «Колыбельная сегодняшнего времени» («Гъийин заманайиъ дадаи йивурайи лайлай») – конститутивные признаки колыбельной-страшилки – запугивание ребенка различными животными, существами – использованы в сатирической функции: мать сообщает ребенку, что ему не надо бояться волков, поскольку «волки сами ищут спасения от людей»; и аждахи не следует пугаться – «он бывает только в сказках». Она советует сыну опасаться только людей, «ради денег вышедших на охоту и готовых на все» [13].

Традиционная для колыбельной песни ситуация – утешение, успокаивание ребенка – обыгрывается и в стихотворении А. Курбанова «Элмирайин лайлай» («Колыбельная Эльмиры»), в которой девочка убаюкивает свою куклу и напевает слова колыбельной, которые слышала от мамы в свой адрес:

Лай-лай жакул, лай-лай, жакул, Рази хьиди дада закур.	Баю-бай, кукла, баю-бай, кукла, Завтра обрадуется мать.
Гъамус жакул, саб нивкI апIин, Рякъри увуз нивкIар ширин.	А сейчас, кукла, усни, Пусть снятся тебе сладкие сны [14].

Отдельные элементы поэтики жанра обыгрываются С. Кюребеговой в стихотворении «Последняя колыбельная», которая напоминает смертную колыбельную. Однако не мама напевает ее, а умирающая взрослая дочь просит мать об этом: «*Последнюю колыбельную / Спой да, мама, / Ухожу от тебя, / Любимая мама...*» («Аьхиримжи лай-лай / Йипа, дада, / Гъягъюраза увхъан, / Ккуни дада...») [15].

В завершение следует отметить, что литературная колыбельная в табасаранской детской поэзии унаследовала конститутивные признаки фольклорных образцов жанра: образно-выразительные средства, ритмику, видовые модификации жанра. В то же время поэтика авторской колыбельной усложняется: появляются новые мотивы, усиливается образность (тропеичность) текста, намечается тенденция к изменению субъектной структуры жанра и переосмыслению его функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заветы отцов : сб. табас. народной песенной лирики / сост. М.С. Сефербегов. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1994. 144 с. (На табас. яз.).
2. Мухаммедова Ф.Х. Дагестанская детская литература: историко-литературный очерк. Махачкала, 2001. С. 16.
3. Курбанов М.М. Табасаранский фольклор. Махачкала, 2000. С. 99. (На табас. яз.).
4. Шахмарданов И. Мелодия времени: стихи и поэмы. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2011. 344 с. (На табас. яз.).
5. Ашурбекова Э. БицIидар ахуз ккаъругандиз // Ппази. БицIидариз вуйи табасаран литературайин антология. Мягъячгъала, 2001. С. 187.
6. Кюребегова С. Лай-лай // Ппази... С. 169–170.

7. *Мартынова А.М.* Опыт классификации русских колыбельных песен // Сов. этнография. 1974. № 4. С. 120.
8. *Омарова Г.* Спор звуков. Махачкала, 2013. С. 156 с. (На табас. яз.).
9. *Ашурбекова Э.* Мгновения поэзии. Махачкала, 2007. С. 82. (На табас. яз.).
10. *Шамхалов М.* Балин къябахъ // Ппази... С. 46.
11. *Пеллинен Н.* Образ ребенка в языке карельской песни // Успехи современного естествознания. 2010. Вып. 10. С. 41.
12. *Гасанов И.А.* Традиции колыбельных песен Некрасова в дагестанской поэзии XX века // *Акавов З.Н., Гасанов И.А.* Некрасовские традиции в дагестанской поэзии XIX–XX вв. Махачкала, 2011. С. 76.
13. *Ашурбекова Э.* Дай мне место в сердце своем. Махачкала, 2010. С. 33. (На табас. яз.).
14. *Курбанов А.* Элмирайин лайлай // Ппази... С. 150.
15. *Кюребегова С.* Паруса судьбы. Махачкала, 2013. С. 210. (На табас. яз.).

Поступила в редакцию 04.02.2016 г.

Принята к печати 25.03.2016 г.